

Фанаты буквально сходили с ума от того, как покраснели уши у Цинь Яньчэна — это было открытие века!

[Этот мужчина, у которого, по всем канонам, в глазах должно быть 30% равнодушия, 30% насмешки и 40% холодной отстранённости — и он, оказывается, может КРАСНЕТЬ?!]

[ХАХАХАХА, это просто золото! От него так и веет духом старой школы!]

[Президент Цинь, с каких это пор вы стали таким застенчивым?! Этот контраст — просто убийственный! Чжоучжоу, поцелуй его ещё раз, пусть уши совсем вспыхнут!]

[Так даже у высокомерных генеральных директоров бывают моменты смущения?! Утром он мчался на дикой тачке, а теперь вдруг такой невинный?!]

[ЧэнЧжоу навсегда! Я больше не могу — мне срочно нужна переливание крови, сердце не выдерживает!]

Обычно холодный и внушающий трепет господин Цинь сейчас сидел с ярко-красными ушами, а на голове у него всё ещё красовались заколки в форме сердечек, которые ранее в шутку прицепил Ши Чжоу. При каждом его движении крошечные сердечки на пружинках начинали покачиваться, сводя фанатов с ума — все наперебой делали скриншоты.

Синь Цзин, стоявший за камерой, смеялся до слёз. Какие к чёрту скриншоты — он сам достал телефон и начал ловить самые удачные ракурсы и качество, чтобы не упустить этот шедевр.

Увы, у Ши Чжоу телефона с собой не было, и он ничего не знал о «милом» моменте Цинь Яньчэна, ставшем достоянием публики. Всё, что он понимал — это то, что Цинь Яньчэн по-прежнему почему-то держится холодно.

А сам Цинь Яньчэн даже не подозревал, насколько его выдали детали.

— Он ведь пришёл сюда всего лишь, чтобы составить Ши Чжоу компанию и поучаствовать в съёмке для вида. Камерам и съёмочному процессу он не придавал особого значения, поэтому постоянно забывал, что каждое его движение записывается. В результате он и не догадывался, как предательски всё фиксируется на видео каждый раз.

Ничего не подозревая, Ши Чжоу похлопал Цинь Яньчэна по плечу и, так чтобы микрофоны не уловили, вполголоса прошептал:

— Чёрт, господин Цинь, да вы крут! Кто бы мог подумать, что у вас такие приёмы есть?

Цинь Яньчэн слегка напрягся, прежде чем негромко ответить:

— Угу.

Пылающий жар в ушах, на щеках и шее наконец начал спадать. Он сам не понимал, что на него тогда нашло — голос Ши Чжоу, его тёплое дыхание у кожи, его запах, биение сердца, ощущавшееся у спины...

К счастью, Ши Чжоу оказался слишком туповат, чтобы что-то заметить.

После короткой паузы начался второй раунд игры.

Три команды встали в большой круг напротив узкого деревянного моста и подвижных

препятствий. В центре находился микрофон, до которого явно было непросто добраться. Похоже, на этот раз игроков ждало испытание на скорость реакции.

Ши Чжоу с облегчением выдохнул. Отвечать на вопросы для Цинь Яньчэна — не проблема.

Будучи так называемым «воплощением мужского совершенства», Цинь Яньчэн в своё время перескакивал через классы и окончил один из лучших университетов мира.

Он никогда этим не хвастался, но Ши Чжоу знал — у того за плечами обширнейшие знания, настоящий вундеркинд в юности.

Как раз когда Ши Чжоу уже приготовился наслаждаться победами за счёт гения в команде, Синь Цзин объявил:

— Раунд второй — «Угадай мелодию»! Готовьтесь нажимать кнопку —

Ши Чжоу застыл. Он не успел даже осмыслить происходящее, как заиграла первая песня:

— А~ а~ а-а-а~ а~ а~...

На площадке повисла гробовая тишина. Через три секунды Тан Чжи вдруг резко выдохнул, будто до него дошло, и рванул вперёд, как молния. Он ловко проскочил по мосту, нырнул под крутящиеся преграды и метнулся к микрофону!

Ши Чжоу в полном замешательстве повернулся к Цинь Яньчэну. Цинь Яньчэн с таким же озадаченным взглядом уставился на него в ответ. Оба пребывали в состоянии абсолютного незнания, и им ничего не оставалось, кроме как стоять в тишине.

— Эм... я, если честно, не особо слушаю поп-музыку, — признался Ши Чжоу, беспомощно откидывая назад свои длинные волосы.

Правда заключалась в том, что он-то слушал попсу — но в своём прежнем мире, где прожил двадцать три года. С поп-культурой этого мира он был совершенно не знаком.

— Я не слушаю музыку, — сухо отозвался Цинь Яньчэн.

И в результате этот раунд обернулся полным провалом. Прозвучало десять песен — и они не угадали ни одной. Раунд завершился стремительно и совершенно без зрелищности.

Оба стояли на месте, словно два молчаливых каменных изваяния из Стоунхенджа — идеально синхронные в своём общем молчании.

[О боже, спасите! Вы такие милые! Даже проигрыш выглядит очаровательно!]

[Я всегда знала, что Президент Цинь слишком возвышен для попсы, но не ожидала, что модный Чжоучжоу окажется таким же не в теме. Просто созданы друг для друга!]

[Эм... а никто не заметил, что у Президента Циня до сих пор в волосах те сердечки? Его образ теперь — холодная милашка! Милая холодность!]

[ПХАХА, Чжоучжоу даже не напомнил ему! Я видела, как режиссёр украдкой смеялся!]

[И ещё фоткал его!]

[ХАХАХАХА, я умираю со смеху!]

Комментарии в прямом эфире взорвались от хохота. Цинь Яньчэн, наконец, почувствовав что-то неладное, медленно поднял руку и коснулся своих волос...

А затем, с каменным лицом, повернулся к Ши Чжоу. Тот тут же изобразил полную невинность и яростно замотал головой:

— Не смотри на меня! С чего бы мне знать, что ты забыл их снять? Я думал, ты нарочно... милым хотел казаться... ПХАХАХА, это же гениально, ХАХАХАХА!

Он даже не смог договорить — смех полностью его захлестнул.

Цинь Яньчэн: «.....»

Он понятия не имел, что с ним сегодня происходит. В голове творился хаос, эмоции бушевали, вырывались из-под контроля, и он вовсе не мог их осмыслить.

Для такого эмоционально отстранённого человека, как он, это было крайне необычно. Цинь Яньчэн даже начал подозревать, что у него снова пошли сбои, что он снова теряет контроль над собой, как когда-то прежде.

Но это было не то же самое.

В его самые мрачные времена эмоции были предельно простыми — лишь борьба между желанием умереть и упрямым стремлением выжить. Всё остальное сводилось к глухой, вязкой негативности.

А сейчас... Сейчас его разум был как буря — всё перемешалось: яркие, живые эмоции, неожиданные вспышки радости.

Каждый раз, когда он оказывался рядом с Ши Чжоу, он словно становился другим. Сердце билось слишком быстро и мучительно, душу переполняли тепло, счастье, горечь, ревность, страх... и какая-то отчаянная, жадная потребность — обладать, присвоить.

К счастью, за эти годы он научился жёстко подавлять чувства и выглядеть внешне нормально. Сейчас он хотя бы мог сохранять иллюзию спокойствия.

После подсчёта очков они с Ши Чжоу оказались на втором месте — всего лишь из-за какого-то музыкального раунда.

Ши Чжоу был слегка разочарован. Второе место — не так уж и плохо, да и мясо они всё равно получают... но, похоже, придётся попрощаться со своими любимыми рёбрышками с кукурузой.

Он спрятал своё недовольство и попытался себя утешить: «Ну и что, подумаешь — рёбрышки. Попросить как-нибудь Цинь Яньчэна приготовить их потом...»

Нет! Я хочу их сейчас!

Обычно такое не имеет значения, но люди — существа упрямые. Чем больше тебе чего-то нельзя, тем сильнее этого хочется.

Раньше Ши Чжоу спокойно проходил мимо ароматных ларьков с жареной курицей. Но стоило однажды брату запретить ему есть сомнительную уличную еду — и он тут же воспылал

страстью к куриным крылышкам.

Три дня он мучился в агонии, пока, наконец, не улизнул из дома, когда Ши Ли задержался на работе, и не купил себе целый пакет жареной курицы. Но как только он откусил первый, божественный кусочек — в квартиру зашёл Ши Ли, чья встреча внезапно отменилась.

Последовала лекция, но Ши Чжоу, изображая раскаяние, тайком продолжал жевать, выводя Ши Ли из себя ещё больше.

А ведь кукурузные рёбрышки от Цинь Яньчэна были на порядок выше любой уличной еды. Обычно Ши Чжоу крутился возле кухни, облизываясь над кастрюлей, даже когда Цинь Яньчэн говорил: «Потерпи».

А теперь ещё и Тан Чжи с Ли Ю завели разговор:

— Как думаешь, рёбрышки лучше тушить или жарить? А можно их сделать в соусе?

— Всё, — подумал Ши Чжоу. — Я сломался.

Ему хотелось просто сесть на землю и завывать.

Но он тут же напомнил себе, что мясо у них всё-таки будет. Не как у команды Ян Юйсина, которым достались только овощи.

Успокоив себя из последних сил, он снова повеселел, широко улыбнулся и спросил:

— Господин Цинь, а что у нас на обед первым делом?

Цинь Яньчэн на мгновение задумался, вспомнив, как Ши Чжоу ранее, лежа у него на спине, что-то бормотал про рёбрышки. Спокойно ответил:

— Кукурузные рёбрышки.

— Мы не можем. Мы же вторые — без рёбрышек, без кукурузы.

Цинь Яньчэн на секунду задумался, затем перевёл взгляд на Тан Чжи и хладнокровно произнёс:

— Можем. У Тан Чжи есть.

[Тан Чжи: Рёбрышкам конец.]

[Вот он, мой Президент Цинь — такой властный, такой беспощадный! ХАХАХА!]

[Эй! Не обижайте моего мужа! Вы что, собрались на мясную кражу?! Муж, беги!]

[Богатый гендиректор, ворующий еду ради своей жены?! Это что, бандит х обжора? Я ХОЧУ ЕЩЁ!]

Ши Чжоу решил, что тот шутит. Цинь Яньчэн и в самом деле — мастер мёртвойпан expression, даже во время молчаливой ссоры умудряется отпустить такую шутку.

Что вообще у него в голове творится?

Когда все разобрали свои продукты, участники разошлись. Ян Юйсин по-прежнему устраивал сцену, уговаривая съёмочную группу заменить ему зелень на что-нибудь съедобное — уверяя, что он не притронется ни к одному листику.

Ши Чжоу вздохнул: бедный Го Чэньмин — вот так напарник достался.

И бедный Синь Цзин, который, кажется, из последних сил сдерживал себя, чтобы не придушить Ян Юйсина прямо на месте.

Цинь Яньчэн убрал продукты в их новое жильё, а затем повернулся и сказал:

— Пойдём возьмём рёбрышки у Тан Чжи.

Заинтригованный «планом ограбления» Цинь Яньчэна, Ши Чжоу последовал за ним и вместе они постучали в дверь Тан Чжи и Ли Ю.

Открыла Ли Ю — и, увидев их двоих на пороге, удивлённо вскинула брови. Но затем, будто что-то поняв, с обречённым выражением на лице вздохнула:

— Не говорите... вы тоже не умеете готовить?

— Тоже? Вы оба? Совсем ничего? — с изумлением переспросил Ши Чжоу, пока Ли Ю приглашала их войти.

— Тан Чжи сказал, что он умеет самую малость, но, кажется...

Прежде чем она успела договорить, из кухни раздался отчаянный вопль:

— А-а-а! Почему опять пригорело?! Всё в дыму!

Увидев, что кухня и правда погружена в сизую завесу, Ши Чжоу не сдержал смех — да, кулинарные катастрофы, как видно, универсальны, и беда, как говорится, любит компанию.

Он вздохнул с облегчением: голодным, по крайней мере, не останется — судя по всему, Цинь Яньчэн и этих двоих голодать не даст. Надув грудь от гордости, Ши Чжоу произнёс:

— У нас тут мастер-шеф! Такой, что преступление — не работать в ресторане «Мишлен»!

Услышав это, из-за угла выглянул Тан Чжи, глаза у него загорелись:

— Ши Чжоу, ты умеешь готовить? Это же круто! Шеф Ши, спаси нас! Мы уже просто переводим продукты!

Цинь Яньчэн спокойно добавил:

— Мы вам поможем, но возьмём половину ваших ингредиентов.

— Без проблем! — в унисон ответили Тан Чжи и Ли Ю. Отличная сделка. Всё равно они только портили еду. С надеждой уставились на Ши Чжоу.

Но, кажется, все здесь решили, что готовит именно он — ведь вряд ли кто-то мог представить, что сам Цинь Яньчэн, человек, подписывающий девятизначные контракты, встаёт к плите.

Ши Чжоу лукаво улыбнулся, взял у Тан Чжи фартук с бурым мишкой и неторопливо пошёл... к

Цинь Яньчэну.

В комнате воцарилась тишина.

После долгой паузы Тан Чжи наконец выдохнул:

— А?! Подождите... Президент Цинь будет готовить?!

Ши Чжоу чуть наклонил голову:

— А кто же ещё? Вы не знали? Если бы готовил я — ели бы либо варёные яйца, либо лапшу быстрого приготовления.

[ЧТО?! Цинь Яньчэн УМЕЕТ готовить?!]

[Ещё как! Он готовил ужин в первый же день их приезда — я тогда была в шоке! Видимо, у вас интернет тормозит, раз вы до сих пор не в курсе.]

[Фартук коротковат для человека ростом 190 см, ЛОЛ.]

[Чтобы накормить малыша Ши Чжоу рёбрышками, Президент Цинь лично встаёт у плиты?!]

[Слишком мило, я не выдержу! Первой пойду есть эту собачью пищу* — выгоню свою корову и снова начну пахать!]

[*Dog food — в китайском сленге означает излишнюю романтику, вызывающую зависть.]

[Скорей, скриньте! Президент Цинь в фартуке с мишкой — это разрыв шаблона!]

Ши Чжоу засучил рукава, намереваясь помочь, но Цинь Яньчэн даже не поднял головы от нарезки овощей и спокойно сказал:

— Иди, подожди снаружи.

И это мгновенно вызвало очередную волну визжащих, как сурки, зрителей:

[Президент Цинь такой заботливый!]

Он работал быстро. Извлёк продукты, которые нравились Ши Чжоу, и которых у них самих не было, и всего за короткое время приготовил пять блюд подряд — при этом без малейших угрызений совести забрал себе больше половины каждого.

А кукурузные рёбрышки почти исчезли целиком: Тан Чжи и Ли Ю получили по три-четыре кусочка — чисто попробовать.

Есть еду, приготовленную лично непредсказуемым господином Цинем, было всё равно что внезапно получить приглашение на дипломатический банкет.

Тан Чжи и Ли Ю в каком-то оцепенении, будто во сне, приняли из его рук тарелки и поставили их на стол, ни капли не расстроившись из-за скромных порций.

Тан Чжи, уже порядком проголодавшийся и чуть не пуская слюни от запаха, в шутку сказал:

— Президент Цинь, может, вы и продукты с собой возьмёте, чтобы готовить с комфортом?

Ли Ю тут же метнула в его сторону выразительный взгляд: Ты что, с ума сошёл?!

Если Цинь Яньчэн унесёт продукты, он ведь не вернётся вечером готовить — и что тогда? Грызть сырую рисовую крупу?

Похоже, Цинь Яньчэн понял этот взгляд.

— Помидоры с яйцом — загуглите. Просто. Кто не совсем безнадёжен, справится.

Ши Чжоу в этот момент уже потянулся было утащить рёбрышко, но, услышав это, замер, будто получил личное оскорбление.

— Эй! Это кого ты сейчас безнадёжным назвал?!

На самом деле, сколько бы он ни бился над этим якобы простым блюдом, у него ничего не выходило. Либо всё пригорало, либо утопало в масле. Один раз, в порыве вдохновения, он решил обжарить чеснок для аромата — и случайно залил его сырым яйцом. Цинь Яньчэн попробовал один кусочек... и чуть не выплюнул — лицо у него стало зелёным, будто он отравился.

Но теперь, с долгожданным сокровищем в руках, Ши Чжоу наконец-то ел свои кукурузные рёбрышки — и, насытившись вдоволь, моментально повеселел.

До съёмок оставалось ещё время — начинались они только в три, так что Ши Чжоу развалился на диване, подняв забинтованные пальцы в воздух, и приготовился полистать телефон.

Но едва он успел открыть Weibo, как прохладная, крупная рука внезапно схватила его за запястье.

Он вздрогнул и поднял глаза — перед ним на корточках сидел Цинь Яньчэн, хмуро держа его руку и внимательно разглядывая ожог на пальцах.

— Я же просил Бянь Шуая напомнить тебе про мазь. Почему ты не обработал рану?

Ши Чжоу замер, потом дёрнул руку обратно и пробормотал вполголоса, так, чтобы микрофоны не услышали:

— Что, твой драгоценный рот не может сказать это лично? Обязательно надо передавать через кого-то? И вообще, тебе-то какое дело?

Цинь Яньчэн молча протянул ему мазь.

— Намажь. Сейчас же.

Ши Чжоу отвернулся, игнорируя его.

Хотя он и злился на странное, непостоянное поведение Цинь Яньчэна в последнее время, отказ мазать палец не был вызван упрямством. Просто эта мазь жгла как ад. Каждый раз, когда он её наносил, пальцы будто полыхали, и он с трудом сдерживал стоны, чтобы сохранить остатки достоинства.

У прежнего владельца тела были крайне чувствительные слёзные железы, и Ши Чжоу страшно боялся, что если глаза хоть немного намокнут — он тут же окажется на завтрашних обложках:

«Шок! Мужчина-знаменитость расплакался из-за ожога на пальце! Когда уже перестанут плодиться эти слащавые айдолы?!»

Цинь Яньчэн увидел, что тот сопротивляется, и с холодной твёрдостью в голосе отрезал:

— Руку. Не дёргайся.

Затем он снова присел и сам взялся за обработку раны.

Как говорится, пальцы связаны с сердцем — было так больно, что Ши Чжоу резко втянул воздух сквозь зубы, прикусил губу, изо всех сил стараясь не застонать. И, конечно же, в глазах тут же зашипало.

Чёрт, только не расплачься! Нет, я не собираюсь плакать!

В панике он попытался отвлечься, придумать шутку, чтобы засмеяться — хоть как-то увести себя от края.

Но когда Цинь Яньчэн поднял глаза, он увидел подрагивающие губы, покрасневшие веки и опасно поблёскивающие ресницы — на грани. Их взгляды встретились, и Цинь Яньчэн резко замер, словно кто-то дёрнул за тонкую невидимую струну в его груди.

Он ведь и так был максимально осторожен, почти не прикасался к ожогу — но, увидев Ши Чжоу в таком состоянии, он и вовсе не смог продолжать.

Повисла пауза. Потом он заставил себя закончить, и Ши Чжоу, не выдержав, тихо всхлипнул:

— Ах...

Цинь Яньчэн медленно поднялся, молча собрал аптечку и снова отстранился.

Ши Чжоу фыркнул. Боль разбудила его капризную натуру, и все старые обиды снова полезли наружу. Ему не хотелось говорить с этим странным, будто не в себе, Цинь Яньчэном.

С одной стороны, он понимал, что тот делает всё это из заботы — всё, что он делал, было добрым и внимательным.

Но с другой — поведение Цинь Яньчэна в последнее время напоминало состояние "принял не те таблетки": молчит, отдаляется, ведёт себя непонятно... злить же!

Как и всегда при переезде, именно Цинь Яньчэн занимался организацией всех бытовых дел. А Ши Чжоу тем временем развалился на диване и зашёл в свой запасной аккаунт под ником «Беглый дирижабль на цветочном рынке», чтобы выложить несколько размытых, сделанных тайком фото Цинь Яньчэна.

Он давно ничего не постил, так что внезапное возвращение вызвало лавину восторженных комментариев:

[Автор-сама!! Ты видел, что сегодня утром творилось?! У меня есть скриншоты, хе-хе, слёрп слёрп]

[У меня тоже! Давай, вдохновляйся этими пикантными фотками!]

[«Просто по этой фотке я могу написать 50 тысяч слов порева — если я могу, ты точно

сможешь!!»]

Лицо Ши Чжоу мигом вспыхнуло. Он тут же вспомнил, как утром Цинь Яньчэн мимоходом коснулся внутренней стороны его бедра — и внезапно ощутил жар, слабость в коленях и острое желание уткнуться в стену.

Но прежде чем он успел завопить «Не присылайте! Я не смотрю!», его личка была буквально затоплена похотливыми маньяками со скриншотами.

— Уууугх... — простонал он и уткнулся лицом в диван. Нет, он не хотел этим «наслаждаться»!

Чтобы проветрить голову, он закрыл Weibo — и тут же увидел девять непрочитанных сообщений от своего дешёвого менеджера Ли Чэна. Все, как под копирку, представляли собой жалобные мольбы о пощаде... адресованные, конечно, Цинь Яньчэну.

Сообщения были отправлены четыре часа назад, но стоило Ши Чжоу набрать всего один вопросительный знак, как надпись «печатает...» вспыхнула мгновенно.

Ли Чэн:

Ши Чжоу, ради всех лет, что мы вместе работали... если ты собираешься прыгать с корабля, возьми меня с собой!

Ши Чжоу:

Почему? Ты переспал с женой Чжэн Ци, и теперь он тебя хочет убить?

Промотав переписку вверх, он наконец уловил суть. Цисинь — всё. Проект-гигант внезапно рухнул, раунд финансирования провалился, наличка закончилась, банки подали в суд, и теперь началась проверка со стороны властей.

Короче, на совете директоров пытались быстро сбросить акции и спасти шкуру, а рядовые сотрудники бросились искать запасные выходы.

Ши Чжоу скосил глаза на фигуру на кухне — тот в закатанных рукавах спокойно мыл посуду. И раз уж они всё ещё находились в состоянии «молчаливая холодная война», он решил играть в ту же игру: никто с кем не разговаривает. Так что он даже не стал спрашивать.

Он никогда не слышал, чтобы Цинь Яньчэн хоть словом обмолвился о Цисине. Ши Чжоу думал, что тот, как человек благородный, просто отпустил ситуацию и позволил Чжэн Ци уйти потихому. Даже казалось, что это слишком лёгкое наказание для такой мрази.

Но теперь стало ясно — совсем нет. Цинь Яньчэн просто ждал. И нанёс удар точно и эффектно.

Развал Цисинь определённо был его рук делом. Никто другой не смог бы вот так легко развалить компанию стоимостью больше миллиарда.

И как по таймеру, ему пришло сообщение и от самого Чжэн Ци.

Такое же неуверенное, наполовину униженное, наполовину обвинительное. Бормотал что-то вроде «я никогда ничего плохого о г-не Цине не думал», «это всё недоразумение» и прочее в том же духе.

Ши Чжоу усмехнулся.

Что, случилось что-то — и ты ко мне приполз? Ишь, куда лезешь. Иди к Цинь Яньчэну жалуйся, ты явно не туда стучишься.

Он быстро накатал три слова:

«Сам выкручивайся.»

Потом, поколебавшись, добавил:

«Искренне соболезную.»

Всё ещё казалось недостаточно язвительно.

Так что он приписал:

«Примите мои глубочайшие сожаления. Да найдётся тебе мост с прохладной тенью летом и тёплым местом зимой, под которым можно будет спать.»

Он буквально мог представить, как перекошено лицо Чжэн Ци по ту сторону экрана.

И точно — через пару секунд пришли сразу четыре голосовых.

Но так как камеры всё ещё были включены, а Ши Чжоу не горел желанием слушать, как лает пёс, он просто включил авто-транскрипцию:

1. Ши Чжоу! Не зазнавайся, тварь!
2. Смотри, как улыбаешься! Думаешь, Цинь Яньчэн будет тебя вечно любить? Ты ему интересен, потому что чем-то его самого напоминаешь!
3. Думаешь, кто-то рядом с ним когда-то хорошо кончил? Он псих! Ты даже не знаешь, какой он на самом деле! Ты вообще знаешь, каким он был раньше?!
4. Подожди. Я тебе ещё покажу.

Вот теперь маска слетела. Чжэн Ци понял, что выпрашивать смысла нет — и пошёл ва-банк.

Ши Чжоу нашёл это забавным.

Сам же играл с огнём — сам и обжёгся.

Если бы Цинь Яньчэн в оригинале не умер так рано, неужели такие, как Чжэн Ци, действительно смогли бы дожить до хэппи-энда? Он просто сгорал от желания узнать, насколько жестоко тот расправится с ним в этот раз.

На кухне Цинь Яньчэн всё так же спокойно мыл посуду. Ши Чжоу украдкой бросил в его сторону косой взгляд. Он изо всех сил старался держать язык за зубами.

Он же сам решил играть в молчанку — чтобы не показать слабость.

Но, судя по всему, эта игра только прибавляла Цинь Яньчэну покоя. Его это вообще не трогало.

А вот Ши Чжоу, болтливый по натуре, уже просто взрывался изнутри.

Он с горечью понял:

Это война, в которой я сам себя ранил больше, чем врага.

Раздосадованный, Ши Чжоу надулся и вернулся к просмотру Weibo. Он уже несколько дней туда толком не заглядывал. Особенно его интересовало, что произошло после того, как он упал в воду — и не опозорился ли он при этом слишком сильно.

Видеоролик начинался с того момента, как Цинь Яньчэн вытащил его обратно на лодку. Только теперь Ши Чжоу заметил, что всё это время крепко держался за Цинь Яньчэна, словно намертво вцепившись, и не собирался отпускать.

Чем дальше он смотрел, тем шире раскрывались у него глаза. Он и не подозревал, насколько унижительной выглядела вся сцена — он цеплялся за Цинь Яньчэна, как коала, прижимался к его груди, а потом даже... плакал у него на плече. По-настоящему рыдал, всхлипывая, со слезами на лице — жалко и беспомощно.

Он глянул на количество репостов, лайков и комментариев под видео — и тут же подскочил с дивана в панике, сев резко, как пружина. Щёки полыхнули от стыда!

Но чем сильнее ему было стыдно, тем больше он не мог оторваться от просмотра — нужно было выяснить, не сделал ли он ещё чего-нибудь постыдного, и не поэтому ли Цинь Яньчэн в последнее время так странно себя ведёт.

Видео продолжалось. Вокруг царила суматоха: люди суетились, метались, пытались помочь — полный хаос.

Ши Чжоу уже смирился с тем, что он, оказывается, долго и громко рыдал у Цинь Яньчэна на руках. Теперь он с отчаянием хотел лишь одного — понять, как долго это продолжалось —

И тут, на видео, Цинь Яньчэн бережно приподнял ему голову и поцеловал в лоб.

Ши Чжоу: !!!!!!!!!!!

Он был так потрясён, что чуть не выронил телефон. Не веря своим глазам, перемотал назад и пересмотрел ещё раз.

Теперь он увидел всё ещё яснее: Цинь Яньчэн действительно украдкой поцеловал его в лоб посреди всей этой неразберихи — и ещё украдкой оглянулся по сторонам, проверяя, заметил ли кто-нибудь!

Ши Чжоу был ошарашен. Он в ужасе дотронулся до своего лба — некогда невинного, а теперь запятнанного — и не мог даже понять, что именно он сейчас чувствует. Дрожащим голосом он позвал:

— Цинь Яньчэн...

Цинь Яньчэн только что домыл последнюю тарелку и собирался поставить её в шкаф, когда услышал, как его зовут. Машинально, холодно и отстранённо, он отозвался:

— Мм?

— Ты... ты поцеловал меня тайком?! — взорвался Ши Чжоу, ошеломлённый и возмущённый.

Растянутые слова ударили, как гром среди ясного неба — и Цинь Яньчэн застыл на месте!

В голове у него всё оборвалось, словно в неё ударила молния!

Тарелка выскользнула из рук и с грохотом разбилась об пол. Он стоял как вкопанный, а потом медленно повернулся к Ши Чжоу —

<http://bllate.org/book/12639/1121025>